

Юрий ОВТИН БРИЛЛИАНТ В ТРИ КАРАТА

РАССКАЗ

Душным июльским вечером я проходил мимо арт-галереи "Черная жемчужина", которая принадлежала моей давней приятельнице Милене, и с удивлением увидел в окнах свет, решил заглянуть туда на огонек.

Милене, которая со своими женственными формами и жгучими, как угли, глазами в оные времена могла бы быть натурщицей одновременно как у Ренуара, так и у Модильяни, сидела за рабочим столом в своем небольшом кабинете. Рядом с ней, как птички на жердочке, устроились ее продавщицы Аля и Марина, гордо именовавшие себя галеристами, в прошлом — театральные художницы. Около них стоял долговязый длинноволосый Валентин, мастеривший в галерее из багета по заказу клиентов рамы для картин, впрочем, и сам — художник и музыкант, бывший к тому же в молодости руководителем и солистом вокально-инструментального ансамбля.

В ответ на мое шумное приветствие Милене, против обыкновения, приложила палец к губам, зашипев при этом, как кошка, и указала вглубь демонстрационного зала, где, отчаянно жестикулируя, горячо спорили двое хорошо мне знакомых мужчин. Одним из них был широко известный не только у нас в стране, но и за рубежом, хорошо покупаемый модный живописец-маринист, заслуженный художник Жора Дятлов по прозвищу Дятел. Другим спорщиком был коллекционер и меценат Алексей Калинович, владеющий строительной фирмой, возводящей многоэтажные жилые дома, очень богатый, по моим сведениям, человек, которого имевшие с ним дело художники за глаза называли Калиной.

— Калина решил купить у Жоры картину, — шепотом прояснила мне ситуацию Милене. — Так вот, торгуются уже два часа, никак не могут договориться о цене. Ну, ты же знаешь своего друга, — за копейку удавится, не уступит.

Друзьями моими были оба спорщика, оба они стояли друг друга, и кому из них выразила свое неудовольствие Милене, повисло в воздухе, так как сделавший пируэт Калинович увидел меня и приветственно замахал рукой:

— Здорово, Петрович! Впрочем ты пришел! Вот кто будет у нас арбитром!

Я поздоровался с ребятами и со словами "С вас бутылка!" выслушал обе стороны.

Дятлов написал шикарное полотно и, зная о том, что Калиновичу оно приглянулось, и тот уже несколько раз заходил прицениваться, хотел срубить за свою картину "три штуки зелени".

Калина, собравший за долгие годы большую коллекцию живописи и скульптур, знал о том, что подавляющее число художников, в том числе и таких мэтров, как Жора, ведут полугодовой богемный образ жизни, и при покупке картин руководствовался железным правилом — сбивал цену ровно вдвое и до упора стоял на своем, памятуя о том, что любая картина стоит ровно столько, сколько за нее дают. Бывали случаи, когда вполне приличную работу он приобретал и вовсе за бутылку водки. Вот и сейчас он предлагал Дятлу тысячу триста баксов, полагая купить в итоге полотно максимум за полторы штуки.

Жора же категорически возражал, не уступая ни копейки, но имея в уме нижним пределом две с половиной тысячи, мотивируя свою настойчивость тем, что к картине уже присматривались и другие потенциальные покупатели, а также и то обстоятельство, что Калинович также был прекрасен об этом осведомлен, а потому ни за что бы не упустил понравившуюся ему работу.

Потные и взъерошенные, оба они уже очень устали, и ситуация казалась им патовой.

— А знаешь, Жора, — вдруг выпалил Алексей, — давай так: как Петрович скажет, так тому и быть. Ни мне, ни тебе он плохого не пожелает.

После минутного раздумья, недоверчиво глядя на меня, с глупой улыбкой на лице Жора все же утвердительно кивнул головой.

Недолго думая, я вынес свой вердикт:

— Картина продается за тысячу девятьсот баксов!

— А почему не за две? — возмущенно воскликнул Жора.

— А потому что еще на сто баксов Алексей накроет поляну! — забил я в лузу последний победный шар.

После недолго осмысления сказанного Алексей и Жора к вящей радости окружающих скрепили сделку рукопожатием.

Женщины захлопали в ладоши: Милене в предвкушении процентов от сделки, совершенной в ее галерее, Аля с Мариной оттого, что наконец-то получат долгожданную зарплату. Рядом с ними улыбался и довольный Валентин.

— Только при одном условии, — вдруг поднял палец вверх Калинович.

— В магазин за выпивкой и закуской пойдет Петрович!

— Нашли самого молодого, — начал было возмущаться я.

— Петрович, не выступай, — нежно проворковала Милене, поглаживая меня по спине. — Ты же прекрасно знаешь, кому что надо брать!

Это была истинная правда. Милене отдавала предпочтение шампанскому, причем исключительно брюту, Калинович, Жора, Аля и Марина пили коньяк, мы же с Валентином не признавали ничего другого, кроме водки. Валентин вызвался пойти со мной помощником.

— Петрович, миленький, если там будет, прихвати на закуски клубнику! — крикнула нам вдогонку Милене...

...Сделав с запасом необходимые покупки, я, зная нравы компании, прихватил с собой еще дюжину пива и несколько пачек тонких дамских сигарет. Себе же мы с Валентином выбрали сигары "Индепендент", а для Алексея с Жорой — "Васко да Гама".

...Застолье было в самом разгаре. Изрядно выпив и захмелев, все дружно закурили, когда из вязкой уличной тьмы в галерею, как мотылек на свет, впорхнуло нежное создание и мягким воркующим голосом поздоровалось с нами.

— Знакомьтесь, это моя подруга Ольга, — представила нам незнакомку Милене и со словами "Петрович, подвинься" обратилась к ней:

— Подсаживайся к нам сюда, места хватит.

Ольга втиснулась между мной и Миленой, и я приобнял ее за плечи.

Она вдруг неожиданно задрожала всем телом, не оставляя никаких сомнений в том, что мужчина прикасался к ней давненько, тем самым зародив у меня шальную мысль, что этот вечер будет не совсем обычным. Однако Ольга, осторожно высвободившись из-под моей руки и не мигая глядя с усмешкой мне прямо в глаза, попросила налить ей шампанского, заставив мои мысли вернуться к заоблачным высотам грешную землю.

— Так за что пьем? — спросила она Милену.

— Да вот, Жора сегодня своего рода именинник, продал с подачи Петровича свою картину.

— А вот кто бы помог мне продать брошку, — пригубив шампанского, сказала Ольга, откалывая

при этом с блузки роскошную золотую стрекозу, усеянную кроваво-красными гранатами, и передавая ее Милене.

При этом вдруг тусклый свет горящей лампочки, таинственным образом отраженный от перстня, нанизанного на средний палец Ольгиной руки, переливаясь всеми цветами радуги, тонким лучом прошелся по лицам всей нашей компании.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул я. — Это что, бриллиант?

— А почему бы и нет? — улыбнулась Ольга.

— Нет, не в этом дело, — смутился я. — Просто так, темной ночью да еще подшофе, и с таким камушком... Да тут не меньше трех карат... Штук на сто "зеленых" потянет... Тут нужно быть либо отчаянно смелым человеком, либо безумцем.

— Так уже и на сто штук, — встряла в разговор Марина, и все вдруг оживленно заспорили, сколько может стоить этот камень...

В драгоценных камнях я был полный профан, однако часто любил смотреть телеканал "Мега-спорт". Вы спросите: "А какая, собственно говоря, тут связь?"

А дело в том, что на последнем чемпионате мира по легкой атлетике, проходившем в Испании, когда я болел за свою любимую спортсменку, прыгунью в высоту с шестом и красавицу Елену Исинбаеву, готовившуюся к установлению своего очередного мирового рекорда, комментатор сказал, что администрация стадиона с целью поощрения спортсменов установила два бонуса за два самых ярких мировых рекорда: слиток золота весом в один килограмм и бриллиант весом в один карат — и то и другое стоимостью в десять тысяч долларов.

Об этом с видом знатока я авторитетно поведал всей компании.

— Ну так, если один карат стоит десятку, то три будет стоить тридцать тысяч, а не сто, — высказала свое мнение Марина.

— Не скажи, не скажи, — возразил ей я. — Тут стоимость возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии от размера камня.

— Да нет там никаких трех каратов, — вмешалась в наш спор Аля.

Все замолчали и вопросительно уставились на Ольгу, которая, чему-то улыбаясь, молча крутила на пальце перстень с бриллиантом.

— Давай, не томи, сколько весит твой булыжник? — не выдержала Милене.

Обведя нас всех томным взглядом, Ольга ответила:

— Два и восемь сотых карата...

Все вдруг одновременно загалдели.

— А знаешь что, Ольга, — перекрыл всех своим раскатистым баритоном Калинович, до сих пор молча куривший сигару, — я вижу, что вам нужны деньги. А потому продайте мне свой перстень. У моей жены Карины через пару дней круглая дата, тридцать лет. Думаю, что это будет неплохой подарок.

Карина была четвертая или пятая жена Алексея. Она была на двадцать лет моложе и недавно родила ему сына. Калинович был без ума и от жены, и от ребенка и частенько любил в компании прихвастнуть ее молодостью. Однако когда его уж слишком заносило, мы вспоминали абсолютного чемпиона, семидесятилетнего Мило, бывшего директора Калиновича, у которого тот в молодые годы работал на стройке электриком. У Мили жена, родившая ему троих детей, была моложе аж на сорок два года!

— Короче говоря, — продолжил Калинович, — у меня при себе восемнадцать тысяч долларов. С этими словами он вынул из кармана куртки деньги и положил их на стол.

— Возможно, перстень этот стоит намного дороже, но и продайте его вот так с ходу невозможно, а тут все-таки наличка, и немалая... Решайте.

Мы, как зачарованные, переводили взгляд с бриллианта на ворох долларов. В тесном душном помещении повисла тишина. Через открытые на улицу двери было слышно, как далеко на рейде гортанно перекликались ролкеры и балкеры, да повизгивал маневровый тепловоз в порту.

Ольга вдруг поднялась и, повертев перед нами пальцем с перстнем, сказала:

— Этот бриллиант — подарок любимого человека, мой талисман и оберег, а потому он бесценен, и ни о какой продаже не может быть и речи.

И послав всем нам воздушный поцелуй, растворилась в ночной темноте улицы.

— Любопытная дамочка, — протянул я. — Интересно, кто у нее муж?

— А ты что, разве не слышал этой истории? — спросила меня Милене.

— Ее муж, военный летчик, лет восемь назад разбился на Дальнем Востоке, уводя горящий самолет в сторону от городских кварталов... После этого она переехала в Одессу, к родителям, замуж второй раз не вышла, сама воспитывает дочку...

Мы замолчали. Каждый думал о чем-то о своем...

Евгений мучник

***

Казалось, выдохся поэт, иссяк, излился, истощился, ждать больше нечего... Ан нет! Опять на молодой женился!..

Из милицейской хроники

В литкафе случилась драма, а точнее — просто драка: бились фаны Мандельштама против фанов Пастернака.

***

Мы с нею повстречались у бювета. Я помогал ей воду набирать. Потом набрал себе. За время это успел ее из виду потерять — в ту пору было много там народу. Я даже не успел ее спросить: она пьет кипяченую эту воду или рискует и сырую пить?..

Одессит в Израиле

Лет почти на сорок молодея, радуюсь, куда ни кину взгляд: здесь везде

полным-полно евреев, — как в Одессе сорок лет назад!..

***

Случайно как-то раз услышав где-то, что издают двухтомник писем Фета, на грустной мысли вдруг себя поймал о том, что, кроме сайтов Интернета, уже сто лет я писем не писал...

После бури

М. Лермонтову
и М. Горькому

Сломалась мачта, парус белый лежит на палубе тряпьем. И буревинок очумелый, едва живой, сидит на нем...

По мотивам Пастернака

Других на вечер планов нет, темнеет рано. Нам вместо свечки служит свет телеэкрана.

И башмачков настал черед — упали на пол. А где-то рухнул самолет, и кто-то плакал.

Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье, а где-то злой вершится рок — землетрясение...

И ничего уж не хочу — перегорело. Вот если б я зажег свечу — другое дело.

Выписываясь из больницы

Вы не давали нам скучать, фантазий ваших мир огромен. Вас будет очень не хватать здесь, в нашем

сумасшедшем доме.